

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВ

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВ

Впервые
в Москве

**Павел Федорович Николаев
Андрей Николаев
Впервые в Москве. От
долетописных времён
до конца XVI столетия**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67367627

Впервые в Москве: от долетописных времён до конца XVI столетия:

ISBN 978-5-00170-540-6

Аннотация

Книга, представленная вниманию читателей, будет полезна всем, кто хоть в малой степени интересуется историческим и культурным наследием одной из крупнейших столиц пяти континентов. На протяжении семи десятилетий XX столетия Москва была по существу столицей мира, прямо или косвенно влияя на все социальные движения земного шара. И несмотря на сегодняшнее снижение престижа Российского государства, она ещё сохраняет своё неординарное значение. А.А. Зиновьев, один из крупнейших современных философов, говорил: «Для меня только одно место в мире есть столица: это Москва. Всё остальное для меня есть провинция. Москва есть столица не просто государства. Она есть столица истории. И я сделал великую глупость, покинув её: я выпал из истории».

В данной книге предпринята попытка показать Москву городом, который многое дал стране впервые. При этом авторы стремились обратить внимание читателей на менее известные факты жизни столицы.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Московский край в древности	6
Неолит	16
Два первых столетия города	30
Рост Московского княжества, XIV век	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

**Андрей Николаев,
Павел Николаев
Впервые в Москве: от
долетописных времён
до конца XVI столетия**

© Николаев А., Николаев П., 2022

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот»,
2022

Московский край в древности

Мамонты в Лужниках. Как вы думаете, уважаемый читатель, много ли найдётся у нас людей, которые будут топить печь долларами? Нет, разумеется! О возможности такой ситуации говорили только большевистские вожди. Чем кончились их прогнозы, всем хорошо известно.

И тем не менее было время, когда люди почти в буквальном смысле слова обогревались, сжигая «золото». Об этом поведали археологи, работавшие на территории подмосковного городка Зарайска. Там с 1980 года велись исследовательские раскопки на территории кремля. В ходе этих работ учёные обнаружили останки пятнадцати особей мамонта, десятки тысяч каменных и костяных орудий труда, наконецников копий. Возраст находок – 20-е тысячелетие до новой эры.

На месте стоянки нашли толстые пласты золы. Анализ показал, что это зола от костей мамонта. А знаете ли вы, сколько стоят бивни этих животных? Дороже золота! То есть это не просто зола, а материальные следы первобытного коммунизма.

Костные останки мамонта находили и в других местах Подмосковья – на реках Протве и Лопасне, в самой столице.

В Палеонтологическом музее Академии наук хранится череп мамонта. Его нашли при земляных работах, ведшихся

на территории Сокольников.

В 1817 году на Воробьёвых горах состоялась торжественная закладка храма Христа Спасителя, а вскоре там начались земляные работы. На глубине 12 метров здесь обнаружили челюсть мамонта, которая была передана на изучение Г.И. Фишеру-Вольдгейму, основателю Московского общества испытателей природы. Эта находка относится к 13-му тысячелетию до новой эры.

Как же выглядела в ту отдалённую эпоху местность в районе Воробьёвых гор? Москва-река в то время была многоводна. Она всё время подмывала высокий правый берег, который отступал на юг. Это вело к увеличению территории Лужников. Воробьёвы горы были покрыты лесом, а на месте будущих Лужников простирались болота, поросшие мелкой сосной и корявой берёзой. На этих болотах и паслись гигантские животные, покрытые бурой шерстью, – мамонты.

Огромный, слегка горбатый зверь весил около 6 тонн. Его рост достигал 3,5 метра. Своими ногами гигант оставлял следы до полуметра в диаметре. Мамонт имел крупную голову, небольшие уши и волосатый хобот. Вес его могучих бивней достигал 100 килограммов в каждом. Питался мамонт травой, листьями и молодыми побегами, перетирая пищу коренными зубами, каждый из которых весил до 5 килограммов.

В 1880-х годах землекопы вырыли на Калужской заставе (площадь Гагарина) огромные кости неведомого животного.

го. По городу быстро распространился слух, что это останки слона, присланного некогда персидским шахом царю Алексею Михайловичу. Известие о необычной находке дошло до профессора геологии Московского университета А.П. Павлова, который поспешил на место работ. Вместе со своими учениками учёный откопал череп, позвонки, рёбра и кости конечностей. Их изучение показало, что останки принадлежали мамонту.

В 1936 году в торфяных отложениях древней долины Москвы-реки были найдены зубы этого же животного. Их обнаружили на глубине 18 метров при проходке кессона Краснохолмского моста.

Обитание мамонтов в Подмосковье совпало по времени с последним оледенением. Холодное дыхание мощного ледяного щита с Валдая на многие тысячелетия определило климат и природу Подмосковья. Это была промёрзшая тундра, где весной и летом буйствовало разнотравье, на котором паслись стада мамонтов, бизонов, носорогов, лошадей, овцебыков и северных оленей. Зимы были морозными, но мало-снежными. Последнее обстоятельство облегчало животным добычу пищи.

Ландшафт древних Лужников с мамонтами. Художник К.К. Флёров

Но проходили тысячелетия, зимы становились теплее и короче, снегопады обильнее. Нередки стали оттепели. Ледяной наст панцирем закрывал траву, и животные массами гибли от голода. Летом промёрзшая земля оттаивала, образуя болота и топи, где плодились полчища гнуса, преследовавшего теплокровных животных.

Последние мамонты в Подмосковье исчезли около 8-го тысячелетия до новой эры, с окончанием оледенения. То есть эти животные вымерли не от похолодания, а от потепления климата.

Куда они делись? Уже второе столетие учёных (да и многих людей, далёких от науки) волнует тайна Тунгусского метеорита. На сегодня известно о нём следующее.

30 июня 1908 года в семь часов утра (по местному времени) в районе бассейна реки Подкаменная Тунгуска в течение нескольких секунд наблюдался ослепительно-яркий болид (видеть его можно было в радиусе 800 километров). Затем раздался взрыв, который был слышен на расстоянии более тысячи километров. Во многих селениях Сибири ощущалось сотрясение почвы.

Раскальвались оконные стёкла, с полок падала домашняя утварь, качались висячие предметы. Многие люди и домашние животные воздушной волной были свалены с ног. Сейсмографы зарегистрировали взрыв не только в Сибири, но и в Петербурге, и во многих странах Западной Европы, вплоть до Англии (позднее установили, что вокруг эпицентра взрыва в радиусе до 30 километров был повален лес).

Современные исследователи пришли к выводу, что причиной небывалой катастрофы в глубинах сибирской тайги стало тело из рыхлого кома снега диаметром до 600 метров. Оно не более чем в 10 раз превышало плотность воздуха. На высоте около 10 километров над Землёй это тело превратилось в газ, который рассеялся в атмосфере и вызвал необычайно светлые ночи, наблюдавшиеся в течение нескольких суток в Западной Сибири и в Европе. Упавшая на Землю ударная волна вызвала лёгкое землетрясение и повал леса.

Мощность её удара сравнима с силой взрыва атомной бомбы. Но это была отнюдь не первая «бомба», обрушившаяся на Россию из глубин Вселенной. Недавно учёные установили, что озеро Смердячее, находящееся в 140 километрах к востоку от Москвы (Шатурский район), представляет собой метеоритный кратер, образовавшийся в 8-м тысячелетии до новой эры. Согласно проведённым математическим расчётам, метеорит, от удара которого образовался кратер, имел массу в 11–13 тысяч тонн. Энергия взрыва от его падения оценивается в 250 килотонн тротила, что в 10 раз превосходит энергию взрыва атомной бомбы, уничтожившей Хиросиму.

То есть последствия для флоры и фауны сегодняшнего Подмосковья были катастрофическими. Не случайно именно в 8-м тысячелетии до новой эры вымерли мамонты и другие древние животные. Не случайно от этого времени в Подмосковье почти не сохранилось следов деятельности человека. И Хиросима, и Нагасаки здесь уже были.

Загадка века. В середине 30-х годов прошлого столетия при строительстве канала имени Москвы, на берегу Сходни, чуть выше её впадения в Москву-реку, обнаружили кости мамонта и черепную крышку человека – неандертальца. Неандертальцы – это древние люди, жившие в Западной Европе, Азии и Африке 200–35 тысяч лет назад. Для особей, обитавших на европейской части континента, характерны небольшой рост (около 1,6 метра), крупный мозг (до 1700

кубических сантиметров), череп с развитым надглазничным валиком и покатым лбом.

Черепной крышке, найденной под наносами Сходни, были присущи черты человека неандерталоидного типа. Никаких орудий труда того же времени (примерно 33-го тысячелетия до новой эры) ни рядом с черепной крышкой, ни поблизости не обнаружили. Более того, в Подмосковье их нигде не находили до сего дня. Это поставило учёных в тупик: одиночная находка не даёт права на твёрдые выводы о появлении людей на территории Москвы в столь раннее время. Права не даёт, но надежды оставляет. И археолог М.Г. Рабинович говорил по этому поводу: «Нужно ожидать дальнейших исследований и новых открытий, но уже сейчас можно констатировать, что по мере развития человечества заселение Московского края становилось более регулярным. Если в ранние межледниковые периоды человек неандерталоидного типа, видимо, заходил сюда, но оставил лишь незначительные следы, то в более поздние перерывы оледенения здесь было, по всей вероятности, уже регулярное, хоть и не оседлое, население, состоявшее из людей современного европеоидного типа».

Предсказание учёного в какой-то мере оправдалось весной 1997 года. Тогда началась реконструкция фонтана в сквере напротив Большого театра. По сообщению газеты «Тверская, 13», в ходе земляных работ нашли предметы быта людей, живших здесь в эпохи палеолита и мезолита, то

есть не позднее 8-го тысячелетия до новой эры.

По утверждению газеты, эти поселения принадлежали самым древним постоянным обитателям Подмосковья. Но учёные не спешат подтвердить это сенсационное сообщение московской прессы. Предстоит большая работа по изучению находок, которые вносят серьёзные коррективы в наши представления о долетописной истории края. Окончательно этот вопрос будет решён, по-видимому, в первых десятилетиях наступившего XXI века.

Долгое путешествие. В 164 километрах к югу от Москвы находится небольшой городок Зарайск. То есть при самом неблагоприятном варианте (нет машины, не ходят автобусы, электрички) от него до столицы можно дойти пешком за три-четыре дня. А знаете ли вы, как долго шли сюда первые насельники будущего города? Трудно представить – 11 тысяч лет! Не верится в это? Но давайте посчитаем.

В 1980 году сотрудники Зарайского краеведческого музея Л.И. Максимова и А.В. Трусова открыли в самом центре города (на территории кремля) стоянку людей древнекаменного века. С тех пор здесь ведутся систематические археологические раскопки.

Основную массу находок составили кремнёвые орудия труда. Коллекция каменных изделий уже превысила 25 тысяч предметов. Это ножи, резцы, скребки, наконечники копий. Особенно много резцов, которые изготавливались из костей мамонта. Из этого же материала делались мотыги и

лопаточки. Из украшений найдено множество зубов песцов с отверстиями, прорезанными в корневых частях.

Обитатели Зарайской стоянки были охотниками на мамонта. Нет ни одной стороны их быта, на которую не наложен бы отпечаток этот могучий зверь. Мясо мамонта шло в пищу. Шкуру и крупные кости, включая череп и бивни, употребляли для устройства жилища. Остальные кости служили топливом. Бивни и рёбра мамонта являлись также сырьём для костяных орудий и художественных поделок.

Люди поселились в районе современного Зарайска до наступления самой последней (валдайской) стадии оледенения. Учёные определяют культурные отложения (следы бытовой деятельности) Зарайской стоянки в пределах 2317 тысяч лет тому назад.

Наиболее древние следы обитания человека на территории современной Москвы относятся к 8-му тысячелетию до новой эры.

Итак, в район Зарайска люди пришли 23 тысячи лет назад, на территорию будущей Москвы – десять.

Естественно, возникает вопрос: с какой же «скоростью» двигался человек на освоение просторов будущей российской столицы? Подсчитать это совсем не трудно. Делим расстояние между городами (164 тысячи метров) на 13 тысяч лет. Результат – 12,6 метра в год! И совсем просто вычислить движение далёких пилигримов на каждый день – три с половиной сантиметра (1260 см: 365).

Да, не спешили первые обитатели Подмосковья на новые земли. Любая черепаха дала бы им тысячу очков форы.

Кстати. Самая древняя стоянка человека (ранний палеолит) на территории современной Москвы была найдена в Тёплом Стане. Местоположение её оспаривается учёными в радиусе 500 метров от пересечения улиц Бакулева и Островитянова.

Неолит

Для неолита характерна Льяловская стоянка в верховьях реки Клязьмы. Учёные относят её к 3000 году до новой эры. На берегу существовавшего в ту пору озера на настилах из жердей стояли шалаши. Их обитатели пользовались массивными каменными орудиями, мелкими каменными скребками и стрелами. Глиняная посуда была остродонной, по поверхности она украшалась узорами из круглых ямок и щёбёнчатых оттисков.

По-видимому, следует сказать, что археологи очень редко находят более-менее полностью уцелевшие горшки. Обычно приходится собирать их из многочисленных осколков. Обожжённая глина материал хрупкий, но долговечный. По этому поводу поэт-археолог Валентин Берестов писал:

*Нет ничего прочней,
Чем битая посуда.
Что происходит с ней?
С ней происходит чудо.
Хрупка и коротка,
И стоит слишком мало
Жизнь чашки, и горшка,
И звонкого бокала.
Зато у черепков,
Осколков и обломков*

*В запасе даль веков,
Признание потомков.*

Основными занятиями обитателей Льяловской стоянки были рыболовство и охота на водоплавающих птиц. В социальных отношениях здесь господствовал матриархат.

К концу неолита относятся шесть стоянок, найденных на территории уже самой Москвы (названия их связаны с местами обнаружения): Алёшинская (у бывшего села Алёшино), Крутицкая (район Крутицких переулков), Серебряно-борская, Троице-Лыковская, Щукинская и Дьяковская (Коломенское). Отдельные находки этого времени сделаны у Покровских ворот, в Зарядье и у Крымского вала.

Бронзовый век, фатьяновская культура. На высоких берегах и водоразделах рек археологи обнаружили десятки могильников, которые относятся к фатьяновской культуре (название её связано с селом Фатьяново). Фатьяновцы расселились на большой территории, частью которой являлось Подмосковье. Они соседствовали с рыболовами и охотниками, жившими здесь и раньше, но по уровню своего социального развития опережали их на целую эпоху.

Судя по захоронениям, фатьяновцы были скотоводами. В могилы своим покойникам они клали мясную пищу: в них преобладают кости домашних животных – коров, овец, коз и свиней. Горшки, найденные там же, хорошо вылеплены и отличаются округлым туловом (за это археологи называли

их бомбовидными). Встречаются в могилах и великолепно отшлифованные каменные топоры. Изготовление их было очень трудоёмким, поэтому в детских погребениях настоящие топоры заменяют модели, сделанные из глины.

Но главным отличием фатьяновцев от племён рыболовов и охотников является их знакомство с металлом. Среди их орудий труда найдены примитивные приспособления для литья бронзы – глиняные ложки с носиками для слива металла в форму. Найдены и предметы, которые изготавливались из этого металла, – маленькие бронзовые колечки. Это – материальное свидетельство о том, что некоторые из обитателей Подмосковья уже сделали первые шаги навстречу эпохам металла.

На территории самой Москвы известны два могильника фатьяновской культуры – Давыдовский, на левом берегу Сетуни, и Спас-Тушинский на Москве-реке. Находки каменных орудий этой культуры сделаны в Крылатском, Чертанове, на Софийской набережной, в Бутырском хуторе, в Сокольниках (Зельев переулок), Перове, Нагатине, Химках-Ховрине, на Воробьёвых горах и Русаковской улице, в Дорогомилове и Косине, на Андроньевской площади.

Дьяковская культура. Дальнейший этап заселения территории будущей Москвы связан с дьяковскими городищами (VII век до н. э. – VII век н. э.), относящимися уже к железному веку. Название это происходит от первых находок в селе Дьяково (близ Коломенского).

Городища этого типа располагались обычно на мысах, которые одной стороной выходили на реку, а с двух других ограничивались низинами. С четвёртой стороны мыс перерезал ров с валом. По валу шло ограждение из брёвен – тын.

Дьяковские поселения обычно невелики. Это поселения одного рода, состоявшего из нескольких десятков человек. Жили люди в полуземлянках, стены которых складывались из брёвен и промазывались глиной.

Дьяковцы были скотоводами. Они разводили коров, лошадей, свиней, коз и овец. Нередко в их поселениях находят кости собак – первых прирученных человеком животных, которые служат ему уже три тысячи лет. Собаки помогали охранять скот – главное богатство дьяковцев.

В быту дьяковцы широко использовали бронзу. Почти во всех городищах найдены следы литейного производства – тигельки для плавки, глиняные ложечки-ляльки для разливания расплавленного металла в формы и сами формы, вырезанные из камня или вылепленные из глины. В жизнь дьяковских племён постепенно входило и железо. На ранних стадиях этой культуры железных предметов мало, но со временем добыча железа увеличилась. Появились даже его запасы. Так в одном городище археологи обнаружили своеобразный клад, который состоял из согнутых в кольца стержней. В случае необходимости из них можно было выковать любое орудие.

Посуда дьяковского времени, в отличие от более ранней

– неолитической и фатьяновской, имела плоское дно. Это говорит о том, что её ставили не между камнями, а на ровные поверхности – на столы и под печи. Поверхность дьяковской керамики имеет сетчатый характер.

Род у дьяковцев был патриархальным, то есть господствовали в нём мужчины. Но за полтора тысячелетия существования дьяковской культуры произошли значительные изменения и в жизни патриархальных общин – они начали распадаться на отдельные семьи.

На территории современной Москвы поселения дьяковцев обнаруживали в виде городищ и селищ. Городища: Дьяковское, Кунцевское, Мамоново, Сетуньское, Тушинское, Спас-Тушинское (1-е и 2-е), Пенягинское, Нижнекотловское и Капотнинское. Селища: Мамоново, Спас-Тушинское, Ценягинское, Филёвское, Алёшкинское, 1-е и 2-е у Воробьёвых гор, Химкинское, Никольское и Борисовское.

Вятичи. В середине 1-го тысячелетия в Московском крае появились первые славянские племена – вятичи и кривичи. Граница между ними проходила примерно в 40 километрах к северу от современной территории столицы. Вятичи стали основными насельниками края. «Повесть временных лет» называет родоначальником их легендарного племенного вождя Вятко: «А Вятко седе с родом своим по Оце, от него же прозвашася вятичи».

С Оки вятичи продвинулись до устья Москвы-реки и стали подниматься вверх по её течению, расселяясь по прито-

кам. Постепенно они заняли всё течение реки.

В IX–XI веках вятичи представляли собой единую племенную и политическую общность, которая временами входила в Древнерусское государство, но постоянно отстаивала свою самостоятельность. В то время земля вятичей была местом глухим, малодоступным и опасным. Дорога из Киева в Ростов и Суздаль шла кружным путём – через Смоленск и верховья Волги. Мало кто отваживался проехать через вятические леса. Киевский князь Владимир Мономах, дерзнувший на это, считал своё путешествие чуть не подвигом. В то время как в других землях Руси уже существовали феодальные княжества, вятичи продолжали сохранять черты старого, племенного быта.

Основным признаком обитания вятичей является наличие курганов. Один из исследователей утверждал: «Можно сказать, что Москва возникла в сплошном окружении вятических курганов».

Археологические изыскания показали, что племенное равенство вятичей в XI–XII веках было уже нарушено. М.Г. Рабинович говорил о результатах своих наблюдений: «Из раскопок отдельных курганов ясно, что не все члены общины были одинаково богаты. Иначе почему бы в одних курганах в большом количестве были украшения, а в других – всего несколько простейших, в одних – парча, в других – холст. Да и сами насыпи курганов говорят об имущественном неравенстве и неодинаковом общественном положении

погребённых под ними людей».

Основным занятием вятичей было земледелие. Скотоводство и рыболовство только дополняли его. В захоронениях их находят горшки с кашей, яичную скорлупу, кости животных, съеденных на погребальном пиршестве. Обычно это кости домашнего скота, реже – кости лошади и диких животных.

Главными злаками были озимая и яровая рожь, пшеница, ячмень, просо, горох, чечевица. Поскольку озимая рожь давала более устойчивые урожаи, постепенно она оттеснила другие злаки на второе место. Ржаной хлеб стал основным продуктом питания и оставался таковым почти всё второе тысячелетие. Это нашло отражение в народной пословице: «Матушка рожь кормит всех сплошь, а пшеничка по выбору».

В сельском хозяйстве вятичей существовало строгое разделение труда между мужчинами и женщинами. Первые пахали и сеяли, вторые убирали урожай. Лошадь была на попечении хозяина, за остальным скотом и домашней птицей ухаживала хозяйка.

Земледелие было главным, но не единственным занятием вятичей, Большую роль в их хозяйственной деятельности играла обработка дерева. Топор был самой необходимой принадлежностью каждого двора. Им вырубали лес под пашню, тесали брёвна для дома и сельскохозяйственного инвентаря. Словом, все работы по дереву производились топором (пил

ещё не было). По образному выражению Л.Н. Толстого, крестьянин мог топором сделать всё – и дом поставить, и ложку вырезать.

Из ремёсел вятичи знали два – кузнечное и ювелирное. Кузнецы стали первыми ремесленниками-специалистами. Добыча и обработка руды,ковка раскалённого металла казались непосвящённым делом не только сложным, но и таинственным. Кузнецам нередко приписывали сверхъестественные свойства, а зачастую и злую силу; их ценили, но побаивались. Не случайно слова «коварный» и «козни» имеют одни и те же корни, что «ковать» и «кузнец». Продукцией кузнецов были топоры, скобели, тёсла, серпы, ножи и кресала.

Большим спросом пользовались изделия ювелиров, которых называли литцами и серебряниками. Из меди, серебра и различных сплавов они изготавливали нехитрые украшения, которые очень любили славянские женщины. Это были гривны, браслеты, пряжки и перстни. Вот на какие мысли навела находка последнего поэта и археолога Валентина Берестова:

*Потеряла девушка перстенёк
И ушла, печальная, с крылечка.
А спустя тысячелетье паренёк
Откопал её любимое колечко.
Я и рад бы то колечко возвратить,
Да не в силах...
Время любит пощутить.*

Кстати, по женским украшениям учёные легко определяют места расселения вятичей и кривичей. Вятички носили височные привески с семью лопастями. У женщин кривичей височные кольца имели браслетообразную форму. Украшения выполнены с большим изяществом и вкусом.

В большинстве своем вятичи селились уже на ранее обжитых местах. В Подмосковье почти нет ни одного дьяковского городища, на котором не было бы следов более позднего славянского поселения. Возникали посёлки вятичей и на новых местах, чаще всего они не имели укреплений в виде валов, частоколов и рвов. Из-за отсутствия заметных внешних признаков селища вятичей изучены слабо. Зато хорошо исследованы их захоронения – курганы. Не говоря о Подмосковье, в самой столице они насчитываются сотнями. Вот некоторые из них (в группах): Коньковские, Зюзинские, Чертановские, Филёвские, Царицынские, Теплостанские. (Полный список курганов вятичей приведён в энциклопедии «Москва» в статье «Археологические памятники и находки».)

Поселение вятичей существовало и в самом центре современной Москвы – на Боровицком холме. Здесь найдены остатки рва XI столетия, две большие серебряные гривны и две серебряные серьги. Историк И.В. Забелин отмечал: «Шейные гривны и серьги по достоинству металла и по своей величине и массивности выходят из ряда всех таких же предметов, какие доселе были открыты в курганах».

Несмотря на удалённость от основных центров Древнерусского государства, несмотря на труднодоступность из-за отсутствия дорог, вятичи не были отрезаны от славянского мира. Об этом свидетельствуют находки, имеющие южное происхождение.

Следует отметить, что существовал не только натуральный обмен продуктами труда, но и торговля. Об этом свидетельствуют диргемы с арабскими надписями (862 и 866 годов), найденные при строительстве храма Христа Спасителя. Словом, большие расстояния и непроходимые леса не препятствовали связям с культурными и политическими центрами Руси, и шутница Клио¹ ждала только случая, чтобы втянуть землю вятичей в круговорот мировой истории.

Пришедшие из глубины веков. Счастлив человек, сразу находящий свою дорогу в жизни. Именно таким баловнем фортуны был Михаил Михайлович Герасимов. Уже в пятнадцать лет он вёл археологические раскопки, а в двадцать один год сделал большое открытие – исследовал стоянку первобытных охотников и рыболовов эпохи верхнего палеолита у деревни Мальта (недалеко от Иркутска). Но мечтой молодого археолога было желание научиться восстанавливать облик древних людей по их костным останкам. Этой проблеме он посвятил всю свою жизнь.

В 1937 году тридцатилетний учёный добился своей цели – метод воспроизведения мягких тканей лица по черепу был

---

¹ Клио – муза истории у древних греков.

найден. Его правильность и научную обоснованность подтвердил целый ряд контрольных реконструкций, выполненных Михаилом Михайловичем по черепам современных людей (контрольные опыты проводились на материалах судебно-следственных органов). Метод Герасимова признали антропологи всей страны, а в 1950 году учёный был удостоен Государственной премии.

Значение метода Герасимова трудно переоценить. Благодаря этому человеку из небытия пришли к нам лица десятков исторических деятелей и людей дописьменных эпох. В 1960 году по черепу из Кузьминского могильника (Загорский район Московской области) фатьяновской культуры учёный воссоздал внешний облик мужчины, жившего во 2-м тысячелетии до новой эры. На скульптурной реконструкции Герасимова прекрасно очерчено широкое, с высоким крутым лбом лицо молодого фатьяновца. Короткие волосы перехвачены повязкой. На плечах его – грубая холщовая рубашка, на шее – амулет (оберег) в виде ожерелья из медвежьего, лосиных и собачьих клыков.

Это портрет физически очень сильного человека. Облик обитателя московской земли эпохи бронзы несколько суров. Но таким и должен быть человек, вся жизнь которого проходила в напряжённом труде и борьбе за существование.

Внешний облик вятички, жившей в XI веке, воссоздан Герасимовым по черепу, извлечённому из кургана Саввинской слободы (окрестности Звенигорода). Перед нами голов-

ка молодой женщины редкой красоты: изящный овал лица, довольно крупный, но пропорциональный, с прямой спинкой, нос, большие глаза. Волосы славянской красавицы прямым пробором расчёсаны на две стороны и собраны на затылке в пучок. По сторонам лба, закрывая уши, идут две пряди.

Славянка XII века. Скульптурная реконструкция М.М.

Вятичка одета в холщовую рубашку с прямым разрезом ворота и скромной вышивкой по его краю. Её украшают шейная гривна и семилопастные височные кольца. Серебряный венчик охватывает всю причёску, своими концами зажимая пучок (следует отметить, что украшения эти не придуманы учёным, а выполнены по оригиналам, найденным в кургане бывшего села Зюзина на юге Москвы).

Скульптурные реконструкции М.М. Герасимова обогатили наше восприятие внешнего облика древних людей и исторических деятелей. С портретами последних мы ещё встретимся в этой книге.

Два первых столетия города

Кучково. Тверская летопись под 1156 годом сообщает: «Князь Юрий Долгие Руки заложил град Москов при устье реки Неглинной и выше Язуы». Речь здесь идёт о начале Московского Кремля, возведённого по велению великого князя на вершине Боровицкого холма.

Детинец, обнесённый частоколом из сосновых брёвен и окружённый рвом, возвышался среди крестьянских полей и сёл, перемежавшихся лесными дубравами. Сёла эти принадлежали «боярину» С.И. Кучке. Поэтому и всю местность в округе ещё долго называли Кучково.

Кучка никаким боярином не был, таким титулом «наградили» его позднейшие летописи. На самом деле он являлся племенным вождём вятичей. Этим и объясняется принадлежность Кучке большого числа сёл и деревень, находившихся в XI–XII веках на территории современной Москвы. Центром владения Кучки была местность, которая долгое время носила название Кучково поле. Находилось оно между современной Лубянской площадью и Сретенскими воротами.

Воробьёвы горы (место, где находится теперь высотное здание МГУ), Лубянка, Зарядье, подножие Боровицкого холма – все эти территории издавна причислялись к владениям Кучки. А.Ф. Малиновский, археограф начала XIX сто-

летия, прибавил к ним поселения, существовавшие на месте Симонова монастыря, на Чистых прудах, Кузнецком мосту, Сущёвском валу и Кудринской площади.

В 1896 году была создана Комиссия по изучению древностей Москвы. В результате её работы к владениям Кучки прибавился район, примыкающий к устью Яузы. Вот что пишет о нём современный исследователь: «Сёла там появились до 1147 года и назывались “деревнями на кулишках”, то есть на болотистых урочищах, через которые были проложены деревянные настилы и осушительные каналы. Мелколесье вырубалось для хлебных полей и пастбищ, строились водяные мельницы и хозяйственные постройки на сваях. К XII веку здесь уже были сёла землепашцев, рыболовов, гончаров, кожевников, проходили две большие дороги от Кремлёвского холма».

В начале 1990-х годов следы деятельности человека будущей Москвы были найдены в недрах Манежной площади. Тогда на ней велись работы по возведению грандиозного торгового центра с подземными этажами. За земляными работами наблюдали археологи. Итоги этого надзора подвёл А.В. Векслер, генеральный директор Центра археологических исследований.

«Важнейшим результатом исследований явилось обнаружение поселения, относящегося к эпохе до Батыева нашествия на Москву 1237 года. На шестиметровой глубине в предматериковом горизонте вдоль правобережья Неглинной

найлены десятки стеклянных браслетов – хорошо известного археологам украшения древнерусских горожанок (производство их прекратилось после ордынского нашествия). Найлены и другие характерные для этого времени металлические украшения, шиферные пряслица и другие предметы. Здесь, несомненно, изначально стоял торгово-ремесленный посад, а значит, пределы Москвы раннего Средневековья были гораздо шире, чем учёные-москвоведы предполагали до сих пор.

Это существенно меняет наши представления о размерах Москвы 1147 года, когда появилось первое летописное упоминание о ней. К моменту исторической встречи двух князей в “Москве” у стен детинца уже существовала застройка, строили дома на берегу Неглинной, славяне-вятичи пахали здесь землю, пасли скот, развивали ремёсла и торговлю».

Словом, владения Кучки – это не зародыш Москвы. Истоки её возникновения – IX столетие (если не раньше), о чём убедительно свидетельствуют памятники материальной культуры, найденные на современной территории города.

Поселение на холме. «Повесть о зачале Москве», созданная неизвестным нам сочинителем в XVII столетии, начинается с меланхолического вопроса автора: «Кто знал, что Москве царством быти, кто ведал, что Москве государством слыти?»»

А поскольку никто этого не знал и не ведал, осталась древнейшая история города в тени бурной хроники событий

общерусского масштаба. Но ни позднейшие летописцы, ни московские государи никак не желали смириться со столь прискорбным фактом, и это послужило поводом для создания красивых легенд об основании города и значении самого слова «Москва».

Но красота легенд, к сожалению, не делает их более достоверными, и учёные долгое время не могли ответить на простой вопрос: откуда, с какого места начинался наш город? Проясниться это начало только со второй половины канувшего в Лету века.

Первые же археологические раскопки в центре Москвы убедительно показали, что город не мог возникнуть ни в устье Яузы, ни на Самотёке. (В чём были уверены многие учёные XIX столетия.) Следы древнейшей Москвы археологи открыли в Зарядье, на месте будущей гостиницы «Россия».

«Здесь, на низком берегу Москвы-реки, – вспоминал М.Г. Рабинович, – сохранились последовательные отложения культурного слоя, ярус за ярусом, век за веком. Самый нижний горизонт был богат фрагментами деревянных сооружений, предметами производства и быта горожан (калачевидное кресало, гирька от весов, пряжки, часть косы-горбуши, керамические сосуды), которые датировались концом XI века. Причём мощность этого древнейшего горизонта культурного слоя увеличивалась по направлению к Кремлю».

Так первые же серьёзные археологические раскопки в

центре столицы наглядно показали направление к древнейшей части Москвы. Раскопки в самом Кремле велись в 1959-1960 годах, в связи со строительством Дворца съездов. С этого же времени здесь начались систематические наблюдения археологов за всеми реставрационными работами. И почти каждый год перед исследователями открывались всё новые этапы начальной истории столицы.

На территории современного Кремля обнаружены фрагменты крепостных рвов, срубы жилых домов и хозяйственных построек, мастерские ремесленников, деревянные мостовые и водоотводные сооружения. Все эти находки характерны для городов, особенно крепостной ров.

Ров первой московской крепости обнаружили ещё в середине XIX века, но тогда его видели не специалисты, и находку документально не зафиксировали. Через столетие на ров наткнулись археологи. Рабинович вспоминал: «В одной из выработок, у самого угла Большого Кремлёвского дворца, мы вдруг увидели тот древний ров. Он представлял собой в разрезе как бы опрокинутый вершиной вниз треугольник, углублённый в жёлтый песок и заполненный влажной, жирной тёмно-коричневой землёй».

Характер находок на территории Кремля говорил о том, что город начал складываться здесь уже в XI веке. Окончательно учёные убедились в этом после извлечения из шурфа, пробитого во дворе Оружейной палаты, свинцовой буллы – печати, некогда скреплявшей грамоту. На одной её сторо-

не изображена Богоматерь, на другой – архистратиг Михаил. Академик В.В. Янин провёл анализ этой находки и пришёл к следующим выводам.

Печать принадлежала Киевской церковной митрополии и относится к тому времени, когда в Киеве княжил Святополк, а митрополита временно не было, то есть к 1093–1096 годам. Значит, к этому времени на вершине Боровицкого холма уже существовал город. Он был окружён крепостной стеной (о чём свидетельствуют остатки древнего рва) и имел поселения ремесленников, которые занимались гончарным, кузнечным, кожевенным, сапожным и ювелирным производством. Городок был очень мал (он занимал примерно 1/30 часть территории современного Кремля), но уже входил в сферу интересов Киева, который поддерживал с ним торговые и административные отношения.

Городок на Боровицком холме получил у археологов название «Москов».

Время его возникновения теряется в дымке XI столетия. Во всяком случае, это не конец XI века и уж, конечно, не 1147 год.

Вот что писал недавно по этому поводу журнал «Вопросы истории»: «Средневековые города, и не только русские, сравнительно редко упоминались в летописях и хрониках тех времён в первый же год их основания. Обычно их названия встречаются при описании каких-то событий, с ними связанных, то есть речь идёт об уже существующих (ино-

гда немалое время) городах. Поэтому принятый счёт возраста города от первого упоминания в письменных источниках, если это не специальная запись об основании города, ненадёжен, что не раз показывали археологические раскопки».

«Обед силён». «Приди ко мне, брате, в Москву!.. Буди, брате, ко мне на Москву!» Таково первое летописное слово о нашем городе. С этим призывом обращался первый устроитель древнесуздальской земли, суздальский князь Юрий (Георгий) Владимирович Долгорукий к северскому князю Святославу Ольговичу.

В честь дорогого гостя по русскому обычаю был устроен пир – «обед силён». Спустя века археологи, углубившись в пласты московских холмов, смогли установить меню княжеского обеда. Он действительно был не слаб. К столу подавали стерлядь, белугу, осетров и крупных лещей. Всё это богатство было не привозным, а из местных рек. За рыбой следовали запечённые в тесте гуси, лебеди, кабаны и олени – живность, которой изобиловали здешние леса. Пили медовую брагу, пиво и квас.

Памятник Юрию Долгорукому

Н.М. Карамзин так писал об этой встрече: «Летописец хвалит искреннее дружество, весёлую беседу князей, великолепие обеденного пиршества и щедрость Георгия в награждении бояр Святославовых. Между сими вельможами отличался старец, именем Пётр: он служил деду и отцу государя своего; уже не мог сесть на коня, но следовал за князем...»

Когда же конкретно произошла эта встреча, ставшая отправной вехой в официальной истории города? «Сие угощение достопамятно: оно происходило в Москве, – читаем у Карамзина. – К сожалению, летописцы современные не упоминают о любопытном для нас её начале, ибо не могли предвидеть, что городок бедный и едва известный в отдалённой земле Суздальской будет со временем главою обширнейшей монархии в свете. По крайней мере, знаем, что Москва существовала в 1147 году, марта 28. И можем верить новейшим летописцам, что Георгий был её строителем».

Почти три десятилетия эта дата безоговорочно считалась днём первого упоминания о Москве. По Ипатьевской летописи, случилось это в пятницу, в день похвалы Пресвятой Богородице. Но в 1846 году молодой канцелярист при Оружейной палате Кремля, будущий историк Иван Егорович Забелин, пересчитал все пятницы XII столетия и пришёл к выводу, что «обед силён» состоялся 4 апреля. Тогда молодого

го человека вежливо выслушали, но продолжали придерживаться мнения великого историографа. Только в 1897 году учёные изменили точку зрения по этому вопросу, безоговорочно признав правоту Забелина.

Кстати. Перед встречей с князем Святославом Ольговичем Юрий Долгорукий виделся с его сыном Олегом, который подарил суздальскому князю «редкого красотою парда» (гепарда). По-видимому, это было первое экзотическое животное, попавшее в наш город.

Древнейшее упоминание о Москве. В 1997 году довольно широко отмечалось 850-летие столицы. Событие это запомнилось, и сегодня почти каждый москвич довольно точно может ответить, когда был основан наш город. Традиционной датой первого упоминания о Москве считается 1147 год. Но что это значит? В Ипатьевской летописи под 6655 годом записано обращение суздальского князя Юрия Владимировича к северскому князю Святославу Ольговичу: «Приди ко мне, брате, в Москву! Буди, брате, ко мне на Москву!»

В древних русских летописях счёт лет шёл от библейского сотворения мира. По нашему летоисчислению 6655 год соответствует 1147-му. Но значит ли это, что запись о встрече князей была сделана в самый момент знаменательного события или близко к нему? Нет! Слово «летопись» означает запись событий по годам, в хронологическом порядке. Но почти исключает возможность записи одновременно с про-

исходящими событиями. К тому же Ипатьевская летопись – это летописный свод, то есть сборник, состоящий из различных и разновременных записей.

Учёные полагают, что Ипатьевская летопись составлялась в XIII – начале XIV века. Сохранилась она в семи списках (копиях). Самый древний из них восходит к XV столетию. А это значит, что средневековый коллега легендарного Нестора сделал первую запись о Москве спустя три столетия после интригующей нас даты. Конечно, запись эта была взята не с потолка. Безусловно, в распоряжении трудолюбивых монахов XV столетия были более ранние списки Ипатьевской летописи, очевидно, имелись и какие-то дополнительные документы; но факт остаётся фактом: дата первого упоминания Москвы восходит к XV веку. А это обстоятельство, конечно, настораживало учёных.

Но вот в 1991 году при археологических раскопках в Новгороде было найдено письмо третьей четверти XII века. Написано оно на берестяном свитке. Несостоявшийся отправитель этой оригинальной грамоты писал, что собирается посетить населённый пункт на Москве-реке.

Комментируя значение этой находки, академик В.Л. Янин обронил: «Правда, Москва тогда называлась Кучково, – и с улыбкой добавил: – Но я не думаю, что сейчас, когда по всей стране началась азартная кампания переименований, кому-нибудь взбредёт в голову вернуться к старому названию столицы».

Берестяная грамота из Новгорода написана спустя полтора-два десятилетия после 1147 года, то есть почти современником Юрия Долгорукого. И, конечно, деловой новгородец (возможно, торговый человек) лучше знал, как назывался тогда наш город, чем монахи-летописцы. Так что если встреча князей имела место, то Юрий Долгорукий звал своего союзника не в Москву, а в Кучково.

Столетие безвестности. По распоряжению Юрия Долгорукого в 1156 году среди поселений боярина Кучки был возведён кремник – небольшая крепость, огороженная стеной из дубовых (не в обхват) брёвен и защищённая глубоким рвом. Для середины XII столетия это было значительное укрепление, и под его защиту шли обитатели соседних территорий – жертвы княжеских междоусобиц.

В 1176 году первый московский кремль был сожжён Глебом Рязанским. Его скоро отстроили заново, и в Москву был назначен новый руководитель княжеского рода Михаил Хоробрит.

Под этим же годом в Ипатьевской летописи была сделана следующая запись: «Идоша с ним до Кучкова, рекше до Москвы». Это – письменное свидетельство о том, что Москва в первые десятилетия своего существования отождествлялась с Кучково.

В следующем десятилетии на Боровицком холме появилась небольшая церковь Димитрия. Это был первый каменный храм, построенный в городе. В декабре 1237 года

Москва привлекла внимание одного из крупных соединений татаро-монгольских завоевателей. Пять дней и ночей москвичи отражали все попытки противников с ходу взять небольшой (но, по слухам, богатый) городок. А когда взяли, практически стёрли его с лица земли. Летописец так запечатлел этот эпизод разорения захватчиками Северо-Западной Руси:

«И татарова взяша Москву, а Филипа Нянка воеводу убиша, а князя Владимира Юрьевича руками яша, а люди избыша от старьца и до сущего младенца, а град и церкви святыя огневи предаша».

Москвичи, укрывшиеся за стенами Кремля, не были воинами и долго противостоять ордынцам не могли. Князь понимал это и озаботился тем, чтобы надёжно укрыть свои сокровища, попользоваться которыми ему было не суждено.

Через 750 лет после зимней трагедии 1237 года у Спасских ворот Кремля был найден клад из трёхсот предметов: серебряные бусы, браслеты-наручи, медальоны, перстни – всё русской работы. Из иноземных – украшения эпохи викингов, ковшик из раковины, окованный серебром, и золотой перстень с арабской вязью. Последний достался Владимиру Юрьевичу по наследству от прадеда Владимира Мономаха. Все эти сокровища получили название «Большого кремлёвского клада».

Незнаемые князя. Сейчас мало кто знает первых правителей Москвы. Причин этому много: отдалённость эпо-

хи, скудость сохранившихся о них сведений, предубежденность историков. В.О. Ключевский считал, например, что первые московские князья ничем особенно не выделяются – все на одно лицо. Согласиться с этим, конечно, нельзя, так как именно эти исторические личности подняли Московское княжество на уровень великого, именно они дали длительную передышку Московской земле в мясорубках татарских нашествий и тем самым подготовили Русь к Куликовской битве. Эти заслуги первых московских князей особенно ясны будут, если обратить внимание на их возраст.

Годы правления	Длительность правления	Князья	Продолжительность жизни
1276–1303	25	Даниил Александрович	42
1303–1325	22	Юрий Данилович	45
1325–1340	15	Иван Калита	44
1340–1353	13	Симеон Гордый	37
1354–1359	5	Иван III Кроткий	33

Как видно из этой таблицы, продолжительность жизни каждого из князей составляет около сорока лет, то есть ни один из них не исчерпал своих потенциальных возможностей. И тем не менее, благодаря неяркой деятельности именно этих князей стал возможен переход от Московского кня-

жества к Московской Руси, и каждый из первых правителей Москвы оставил свой неизгладимый след на скрижалях её истории. Но обратимся к фактам.

Между нашествиями. В шеститомной «Истории Москвы», вышедшей полвека назад, о времени, последовавшем после разгрома города в 1237 году, говорится: «Через десять лет после Батыева нашествия, в Москве опять появляется самостоятельный князь. Вновь Москва упоминается только в 1282 году в рассказе о княжеских распрях».

Это не совсем верно – есть и другие сведения о жизни будущей столицы Московского княжества в этот период. Правда, их мало. А это – убедительное свидетельство о том, что довольно долгое время (два-три поколения) город спокойно развивался, не испытывая особых потрясений. Очередное нашествие татаро-монголов случилось только в конце XIII столетия, трагического для Руси.

Итак, в 1247 году в возрождавшемся из пепелища городе появился правитель, которого Новгородская 4-я и Тверская летописи называют «князь великий Михайло Ярославич Московский». Это был брат Александра Невского, получивший за дерзость и отвагу прозвище Хоробрит. Опираясь на свои московские владения, Михаил Хоробрит умудрился захватить Владимирское княжество и некоторое время владел им. Пал Михаил Ярославич в 1248 году в одном из сражений с литовцами.

В 1261 году у Александра Невского родился сын Даниил,

который в пятнадцать лет стал следующим московским князем (по традиции его называют первым).

В 1272 году в городе был восстановлен собор Спаса Преображения на Бору, существование которого молва связывает с возникновением самой Москвы. Во всяком случае, археологические раскопки свидетельствуют о том, что в XII веке на его месте находилось кладбище, а это предполагает существование храма.

1280-е годы отмечены и другим деянием молодого князя Даниила Александровича – распрей его со старшим братом Дмитрием Александровичем. Вместе с другим своим братом, Андреем, московский князь осадил Дмитрия в его стольном граде Переяславле-Залесском.

К княжеским междоусобицам добавилась другая беда – так называемая «Дюденева рать» (1293). Это был набег на Москву татарского царевича Дюденя. Обманом («обольстиша») татары взяли Москву и разорили её вместе с волостями и сёлами. Случилось это через 56 лет после уничтожения города ордами Батыея. Но на этот раз нашествие не было столь бедственным и смертоносным, Москва довольно быстро оправилась от него.

Храм Спаса на Бору. Больше шести столетий (1272–1933) за постройками, место которых занимает теперь Большой Кремлёвский дворец, находился храм Спаса на Бору. Возникновение его легенда связывает с отшельником Букалом, который некогда совершал свой душеспасительный

обет среди густых зарослей лиственничного и соснового бора, занимавшего междуречье Москвы-реки и Неглинной. Когда здесь появились первые постройки, на месте хижины давно умершего отшельника собрали из крепких дубовых брёвен церквушку.

Во время нашествия Батыея церквушка (как и весь город) была предана огню. Восстановили её спустя 36 лет, когда город был ещё уделом Владимирского княжества. Александр Невский завещал его своему младшему сыну, который стал первым московским князем. Он и учредил при храме Спаса иноческую обитель.

При Иване Калите вместо деревянного храма был поставлен каменный. 10 мая 1330 года митрополит Феогност освятил его. По желанию князя в храм Спаса Преображения перевели братию Данилова монастыря, объединив обе обители под началом первого московского архимандрита Иоанна.

Новый каменный храм Спаса Преображения был небольшим и приземистым, с барабаном под шлемовидной главой. Убранство его отличалось монастырской скромностью. В 1350 году повелением князя Симеона Гордого в западной части храма соорудили притвор, а с северо-западной – придел. В дальнейшем из-за частых пожаров храм Спаса неоднократно обновляли.

Первый архимандрит Спасособорского монастыря Иоанн был «муж сановитый словесный и любомудрый». По его почину в обители была собрана большая библиотека. Под сво-

ды монастыря приходили смиренные и послушные иноки, искусные в богословии. Иоанн твёрдо следовал строгим канонам монастырского устава и был добрым пастырем своей братии. Спасская обитель во многом способствовала развитию богословских наук. Просветительскую славу она делила с Крутицким и Чудовым монастырями Москвы.

На рубеже XIII–XIV столетий Спасособорский монастырь стал средоточием влиятельного духовенства. Многие его настоятели были духовниками московских князей. Особенно заметна в этом плане судьба коломенского священника Михаила, покорившего великого князя Дмитрия Ивановича всесторонними знаниями, исключительной памятью и истовостью проповеди слова Божьего. Уступая настояниям великого князя, отец Михаил принял в Спасособорском монастыре иноческое имя Митяя и в тот же день был избран братией архимандритом этой обители, Дмитрий Иванович видел в нём преемника митрополита Алексия.

В 1382 году Москва подверглась очередному разорению. Деревянные постройки обители сгорели, обгорел и храм Спаса. Татары убили архимандрита Симеона и многих иноков, другие сгорели в бушующем пламени. По указанию Дмитрия Донского обитель восстановили, и жизнь её постепенно вошла в привычное русло монашеского послушания. Долгое время Спасособорский монастырь был местом последнего уединения высоких особ. В нём приняли постриг и схиму Иван Калита, Симеон Гордый и многие члены княже-

ских семей. В 1452 году под сводами храма Спаса на Бору (вопреки существовавшим правилам) совершилось бракосочетание Ивана Васильевича, сына Василия Тёмного, и тверской княжны Марии Борисовны.

Под сводами Спасского храма покоились тела многих князей. Среди них – убитого в Орде тверского князя Михаила Ярославича, Ивана Калиты и жены его Елены. В 1396 году под своды собора поместили саркофаг с останками епископа Стефана Пермского, который вошёл в историю как просветитель народов пермских лесов.

В XVI столетии собор Спаса на Бору перестроили в очередной раз, он стал выше и просторнее. На его завершении, рядом с большим барабаном, появились два малых с луковичными главками. Стены храма расчленили лопатками на четыре части, а под закомарами проббили окна. К восточной стене были пристроены три полукруглые апсиды и придельная церковь с главкой на барабанчике. С западной стороны к дверному проёму храма поднимался лестничный марш паперти. Внутри собор делился на четыре части, своды которых опирались на стены и три столпа. Таким и освятил храм митрополит Даниил в 1527 году.

В царствование Ивана Грозного к Спасскому собору присоединили ещё несколько приделов (два снаружи и три внутри). Тогда же в связи с обустройством царского дворца соборную братию перевели в палаты, построенные на берегу Москвы-реки вблизи Крутицкого подворья. Сначала эту

обитель называли «Спаса на Новом», а затем одним словом – «Новоспасская».

В 1817 году храм Спаса на Бору, обновлённый после изгнания французов из Москвы, получил статус обычной приходской церкви. К началу столетия эта церковь представляла собой четверик, завершающийся крестообразным сводом с тремя закомарами со всех сторон. В центре пересечения свода возвышался большой световой барабан с узкими окнами, покрытый шлемовидной главой. К западной стороне собора примыкала двухъярусная трапеzia с двумя небольшими звонницами по углам. С северной и западной сторон в храм вели два входа, обрамлённые порталами.

Церковь Спаса на Бору была ценнейшим памятником русской архитектуры и истории.

Шесть столетий её хранили как национальную святыню.

Даниил Александрович. По традиции первым московским князем считается младший сын Александра Невского Даниил. Во время его малолетства городом и окрестными поселениями управляли наместники великого князя Владимирского. Сам Даниил Александрович стоял во главе Московского княжества с 1276 по 1303 год, то есть больше четверти века. Первый раз он упоминается в летописи как участник похода 1282 года на Переяславль-Залесский. Это был стольный город его брата, великого князя Дмитрия Александровича. Даниил с другим своим братом, Андреем, оспаривал права старшего брата – притязание для его

небольшого княжества явно преждевременное. Даниил понял это и в дальнейшем поддерживал Дмитрия.

В 1293 году Московское княжество подверглось очередному разгрому татарами. Это был набег царевича Дюдены, так называемая «Дюденева рать». Неприятель беспрепятственно вошёл в город, обманув князя. Н.М. Карамзин писал по этому поводу: «Даниил Александрович Московский, дружелюбно впустив татар в свой город, не мог защитить его от грабежа. Ужас царствовал повсюду. Одни леса дремучие, коими сия часть России тогда изобиловала, служили убежищем для земледельцев и граждан».

После смерти Дмитрия Даниил Александрович вновь включился в борьбу за великокняжеский стол, который занял его средний брат, Александр Александрович. Его поддерживали тверской князь Михаил Ярославович и переяславский Иван Дмитриевич. В своём противостоянии великому князю союзники опирались на хана Ногая, фактического правителя западной части Золотой Орды (между Нижним Дунаем и Днепром). В этом объединении трёх ведущая роль принадлежала московскому князю.

Притязал Даниил Александрович и на Великий Новгород. Словом, у первого московского князя руки оказались не короче, чем у основателя города.

Более того, Даниил стал **первым** русским князем, который после 63-летнего владычества татар осмелился поднять на них руку. Осенью 1300 года Даниил Александрович пред-

принял поход на Рязанское княжество. Летопись так повествует об этом: «Данило князь московский приходил на Рязань ратью и билися у Переяславля, и Данило одолел, много и татар избито бысть, и князя рязаньского Костянтина некакою хитростью ял и привел на Москву».

Выступление Даниила против Константина, пользовавшегося поддержкой Орды, как это ни удивительно, сошло ему с рук. Результатом похода стало присоединение Коломны к Москве, а победа над «погаными» получила широкий резонанс в русских землях. Многие стали с надеждой смотреть на князя-победителя: может быть, именно он сможет поднять народ на борьбу с чужеземцами.

Князь Даниил Московский. Миниатюра из «Царского титулярника», 1672 г.

Через год после этого беспрецедентного события умер пе-

реяславский князь Иван Дмитриевич. Наследников у него не было; по существовавшим тогда обычаям владение считалось выморочным и отходило в состав княжества Владимирского. Но Даниил Александрович захватил Переяславль-Залесский, выгнав оттуда великокняжеских наместников. И это грубейшее нарушение наследственного права сошло ему с рук. В «Степенной книге» по поводу отчуждения Переяславля развивается даже мысль о том, что Даниил Александрович получил первую крупную территории, присоединённую к собственно московским землям, «без крамолы», то есть мирным путем, по завещанию.

Вскоре к Москве был присоединён Можайск. Таким образом, Москва-река на всем своём протяжении оказалась на территории одного владельца. В центральной части между-речья Оки и Волги образовалось компактное княжество с четырьмя значительными городами.

Успешной внешней политике Даниила Александровича способствовал ряд обстоятельств. Около 1297 года в Москву выехал черниговский боярин Фёдор Бяконт. Это было связано с переходом Черниговской земли к смоленским князьям, противникам Бяконта, который предпочёл поменять свою вассальную зависимость. Естественно, что боярин привёл с собой и всех своих людей.

Через два года на московскую службу перешёл киевский боярин Нестер Рябец. К этому его вынудила война между ханами Тохтой и Ногаем, в результате которой Киев подверг-

ся полному разгрому. (По образному выражению летописи, «весь Киев разбежался».)

Были и другие крупные перемещения на московские земли (среди них – Вельяминовы, впоследствии московские тысяцкие). Значительный приток служилых сделал Московское княжество в начале XIV столетия равным соперником Твери, одного из сильнейших государственных образований Северо-Восточной Руси.

Удачлив был первый московский князь и во внутреннем строительстве своего стольного града. При Данииле Александровиче сильно разросся торгово-ремесленный посад вокруг Кремля. Появился монастырь на тогдашней окраине города.

Данилов монастырь. Монастырь является духовно-административным центром Русской православной церкви. В нём находится резиденция патриарха и Синода. Монастырь – ценный памятник архитектуры XVII–XVIII веков, но начало его истории теряется во мраке владычества на Руси татаро-монгольских завоевателей. Для нас он особенно интересен тем, что стал первой московской обителью.

Монастырь расположен на правом берегу реки Москвы, в южной части города (Даниловский вал, 22). Общеизвестно и признано, что основал обитель первый московский князь Даниил Александрович. Но в вопросе о том, когда это произошло, царит невероятная путаница. Так, церковный историк Амвросий называл в начале XIX века две даты: «около

XIII столетия» и 1272 год. Разрыв, конечно, колоссальный! Ф.Л. Курлат и Ю.Е. Соколовский в путеводителях по Москве 1968 и 1980 годов тоже не в ладу сами с собой, называя 1285 год и конец XIII века. Последней даты придерживается и автор статьи «Данилов монастырь» в энциклопедии «Москва», изданной к 850-летию города.

Конечно, точных указаний по этому вопросу уже не найти, но логика событий позволяет сделать определённые выводы. Даниил получил Московское княжество в 1263 году по завещанию своего отца Александра Невского. Было ему тогда два года, и несколько лет княжеством управляли наместники великого князя Владимирского. Только в 1282 году Даниил включился в активное политическое и военное соперничество с другими князьями Северо-Восточной Руси. Два следующих десятилетия (до кончины князя) прошли в почти непрерывной борьбе, итогом которой стали захват Коломны и присоединение Переяславля.

Правда, успех не всегда сопутствовал Даниилу Александровичу. В 1293 году, впервые после Батыева нашествия, Москву захватили ордынцы («Дюденева рать»). В летописном известии об этом говорится, что неприятель «взяша Москву всю и волости и села». Но в этом кратком сообщении нет ни единого слова о разорении монастырей. Почему? По-видимому, потому, что их ещё в Московском княжестве не было.

Нашествие Дюдены наглядно продемонстрировало безза-

щитность южных подступов к Москве и заставило Даниила задуматься над этим вопросом. В 1297 году он помирился с великим князем Владимирским. Наступила короткая передышка в активной внешнеполитической и военной деятельности владыки Московского края. Но без дела он не сидел. Именно это время Даниил использовал для основания первого монастыря, первой «сторожи» на ближайших подходах к городу. Вот что говорит по этому поводу современный исследователь русского средневековья В.А. Кучкин: «Наиболее вероятным временем основания первого в Москве Данилова монастыря надо признать 1298–1299 годы».

Эту точку зрения учёного подкрепляет ещё один довольно значимый факт. В Даниловом монастыре была учреждена архимандрития; то есть обитель сразу стала местопребыванием высшего духовного лица, самого значительного в Московском княжестве. А когда легче было добиться такой чести княжеству, далеко не равному окружавшим его землям? Конечно, в 1299 году, когда глава русской церкви митрополит Максим перенёс свою резиденцию из Киева во Владимир-на-Клязьме. Именно тогда он должен был охотнее всего откликнуться на просьбы северо-восточных князей, чем и воспользовался Даниил Александрович.

Данилов монастырь стал и местом захоронения первого московского князя, умершего 4 марта 1303 года. По выражению летописи, Даниил Александрович умер «в черньцах и в скиме». То есть перед кончиной принял монашеский сан и

схиму. Последнее понятие обозначает «затвор» в монастыре. Надо полагать, что это произошло за несколько дней до роковой даты.

Русская православная церковь причислила Даниила Александровича к лику святых. Память о первом московском князе чтится 4 марта и 30 августа старого стиля. Вторая из этих дат – день обретения мощей Даниила Александровича в 1652 году.

Кстати. Данилов монастырь стоял на небольшом холме. С трёх сторон (с севера, юга и востока) его прикрывали обрывистые берега Москвы-реки и речушки Худенец, с запада – лиственничный бор, за которым было болото. Не обитель, а крепость.

Недалеко от монастыря проходила Ордынская (Серпуховская) дорога. Ордынцы и сожгли монастырь через одиннадцать лет после его основания. В это время в Кремле была построена церковь Спаса Преображения, туда и перебрались иноки Данилова монастыря. После чего летописец записал: «Сия деревянная обитель совершенно опустела».

Возобновил монастырь Иван Грозный. По этому поводу существует следующая легенда, записанная в «Степенной книге».

Как-то великий князь Иван IV ехал на охоту мимо развалин монастыря. Под одним из сопровождавших его бояр споткнулся конь, и он невольно остановился. Тут предстал перед ним незнакомый муж и сказал, что он хозяин этих мест

– князь Даниил Московский, и велел передать государю: «Ты всячески забавляешься, а меня предал забвению».

Иван Васильевич приказал по этому случаю петь панихиды и раздавать милостыни. Но только ещё после нескольких чудесных знамений монастырь восстановили. Случилось это в 1560 году.

История Данилова монастыря богата событиями и внешней, и внутренней жизни. Было в его истории всё. В 1983 году монастырь перешёл в ведение Московской патриархии и стал духовно-административным центром Русской православной церкви².

---

² Кроме Данилова монастыря, на рубеже XIV–XV веков были построены Бого-явленский и Ново-Петровский монастыри (Вопросы истории. 1996. № 2. С. 161, 162 – В.А. Кучкин).

Рост Московского княжества, XIV век

Вендетта. В 1303 году в Орде внезапно скончался Даниил Александрович. Московское княжество унаследовал его сын Юрий (Георгий) Данилович, который почти сразу вступил во враждебные отношения с великим князем Михаилом Ярославичем Тверским. Под стенами Москвы прошло несколько кровавых столкновений ратей этих князей. Летописцы винят в этом Юрия, упрекая его в бессердечии (чёрный душой).

Михаил Ярославич в основном пребывал в Орде. Это способствовало смуте в русских княжествах. В 1314 году шведы сожгли Ладогу, новгородцы обвинили в этом великого князя. Пользуясь благоприятной ситуацией, Юрий «сел» в Новгороде. Михаил Ярославич пожаловался на него хану Узбеку.

Но Юрий опередил его. Три года московский князь прожил в Орде, плетя интриги против великого князя, и приобрел милость Узбека. В 1318 году он женился на любимой сестре хана Кончаке (в крещении Агафья), и ему дали старшинство над всеми русскими князьями.

Вернувшись в Москву, Юрий стал готовиться к борьбе с Михаилом Ярославичем. Тот отправил к нему послов для

переговоров. В ответ Юрий сжёг Тверь. 22 декабря 1318 года противники встретились в 40 вёрстах от Твери. Великий князь (пока ещё великий) наголову разбил противника. Юрий бежал в Орду с наговорами на Михаила. Узбек потребовал его к себе.

В сентябре Михаил Ярославич прибыл на Сурожское (Азовское) море, где находился хан.

Убийство в Орде князя Юрия Даниловича

Михаила обвинили в том, что он присваивал часть дани

татарам. Его били и мучили. Затем один из палачей вонзил в его грудь нож и вырезал сердце. При этом присутствовал князь Юрий, ставший в этот день (22 ноября 1319 года) великим князем уже реально, а не на словах.

Возвращаясь из Орды, Юрий прихватил с собой сына казнённого, Константина, который стал залогом его безопасности. Действительно, тверской князь Дмитрий Грозные Очи (сын Михаила Ярославича) не решился напасть на обоз и свиту нового великого князя. Дмитрий только попросил отдать ему тело отца, которое Юрий прихватил из Орды. Он поклялся не претендовать на великое княжение и обещал выплатить дань Орде. В 1321 году Дмитрий передал дань³ Тверского княжества Юрию, а тот привёз её в Новгород. Узнав об этом, Дмитрий устремился в Орду, где и поведал Узбеку о «верной» службе его великого князя. Хан тут же объявил, что отнимает у Юрия великокняжеский стол и правителем Руси назначает Дмитрия Грозные Очи.

Юрий в это время осаждал с новгородцами Выборг, но потерпел неудачу. Понимая, что теперь неминуемо последует ответный удар шведов, он заложил с новгородцами на Ореховом острове Ладожского озера (там, где из него вытекает Нева) крепость Орешек. Но шведы отказались от военных действий, предложив полюбовно решить спорные во-

---

³ Дань составляла 2000 рублей. Это **первое** упоминание в летописи о рублях. Рубль представлял собой слиток серебра (без какого-либо знака), весом около 22 золотников.

просы о границе с Новгородской республикой. Переговоры велись в новопостроенной крепости и закончились подписанием (1323) мирного договора, который действовал 270 лет. И что интересно: это был **первый** международный договор, подписанный московским князем.

После этого успеха Юрию Даниловичу было не очень-то радостно узнать, что он уже не великий князь. Но, надеясь на родственную связь, доброжелательное отношение и милость Узбека, Юрий спешил в Орду. Ехать пришлось кружным путём, так как дороги через русские княжества были перекрыты ратниками Дмитрия. Взяв новгородских ратников, Юрий двинулся обходным путём, к Устюгу. Захватив его, он по Каме и Волге достиг Золотой Орды.

Как Юрий Данилович и надеялся, Узбек быстро сменил гнев на милость и с честью принял родственника. Узнав об этом и опасаясь быть опороченным своим соперником за великокняжеский стол, Дмитрий Грозные Очи тоже поспешил в Орду. 21 ноября 1325 года кровные враги встретились в Сарай-Берке, столице ханства. Увидав Юрия, Дмитрий мгновенно выхватил меч и пронзил им своего кровного соперника.

Самоуправство в Орде не поощрялось. Великий князь был взят под стражу и десять месяцев ожидал своей участи. Узбек с уважением относился к Дмитрию и внутренне одобрял его поступок, но преступить обычаи Орды не мог. Его окружение негодовало: «Неужели ты простишь, хан, столь

дерзкое убийство? Закрывать глаза на такое – значит запятнать честь правителя! Такое проявление слабости даст повод другим творить подобные своевольства. К тому же ты просто обязан заступиться за Юрия, как за своего зятя».

И всесильный владыка вынужден был внять гласу ордынской элиты. 15 сентября 1326 года великий князь Дмитрий Грозные Очи был казнён.

Что касается второго московского князя, то надо сказать, что он не баловал свою столицу личным присутствием: больше обретался в Орде и Новгороде, в походах и набегах на соседние княжества. Тем не менее внёс немалую лепту в рост своих владений: присоединил к Москве Переяславль, завоевал Можайск и Смоленский уезд, держал в узде Новгород. Более трёх лет занимал великокняжеский престол.

Доброжелательным государем Юрий (Георгий) Данилович не был, но славился большим умом и знаменитыми предками. Подданные сожалели о его гибели.

«**Тишина велика**». После гибели в Орде Юрия Даниловича московским князем стал его брат Иван Данилович, прозванный Калитой. Случилось это в конце 1325 года, но задолго до трагической кончины Юрия Иван часто замещал беспокойного старшего брата, набираясь опыта управления. Самостоятельность он обрёл в двадцать девять лет, что для средневековой Руси было даже несколько поздновато. Словом, был Калита уже вполне зрелым мужем с достаточным жизненным опытом и сложившимся мировоззрением.

Иван Калита – один из немногих русских правителей, которому летописи приписывают заботу о правде и справедливости. В приписке к Сийскому Евангелию (книга его времени) говорится, что он был «сирым в бедах помощник», изымая бедных вдовиц из рук насильников яко из пастей львов. Современный исследователь так пишет об этом князе: «Подобно тому как Александр Невский остался в памяти народа как храбрый, а Иван IV как грозный правитель, – так Иван Данилович стал в ней символом правителя доброго. Именно так его и называет один древний источник – Иван Добрый. Первое прозвище, Калита, вытеснило второе благодаря своей оригинальности и звучности. Но, в сущности, они обозначают одно и то же».

Конечно, это не значит, что Иван I был таким добреньким и бесхребетным князьком. Нет, время таких гнуло в первую очередь. Выстоять могли только правители решительные и волевые. Да и обстоятельства не очень-то благоприятствовали московскому князю. Судите сами.

Первое лето самостоятельного правления Калиты выдалось сухое, знойное. Обмелели реки, иссякли родники и пересохли колодцы. Горели леса и торфяники. На Русь пришла засуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.